

КОРОЛЬ ТАНКОВ

Исаак Зальцман, легендарный руководитель тяжелой промышленности. В годы Второй мировой войны американцы и англичане называли его королем танков... Руководитель наркомата, генерал, кавалер высших орденов Советского Союза. Но был в его биографии и орловский период, о котором мало кто знает. Расскажем о судьбе этого человека подробнее.

Исаак Моисеевич Зальцман родился 9 декабря 1905 года в бедной многодетной семье портного в местечке Томашполе на Виннитчине. Здесь же окончил школу. «Тяжелым и безрадостным было мое детство, – писал он в своих воспоминаниях. – Постоянная нужда, тяжелая борьба за кусок хлеба были каждодневными спутниками нашей семьи. С большим трудом родители смогли дать мне начальное образование. В 1919 году я окончил двухклассную народную школу. С 14-летнего возраста начал свою трудовую жизнь».

Четыре года Зальцман работал на свекловичных плантациях и на сахарном заводе. В 1923 году вступил в комсомол и сразу же был направлен на комсомольскую работу. Конечно, с таким ФИО, да ещё с ростом всего-то чуть более полутора метров, в советскую историю войти трудно. Зато вполне можно делать эту историю, историю своего Отечества...

Весной 1933 года Зальцман успешно защитил дипломный проект в Одесском политехническом институте, получил диплом инженера-машиностроителя. Он с радостью принял предложение работать в Ленинграде на заводе «Красный Путиловец». Там за пять лет молодой мастер вырос до директора (в 1938 году) этого крупнейшего тогда в СССР оборонного предприятия, выпускавшего танки, артиллерию, турбины, моторы... Международная обстановка требовала коренных изменений в работе предприятия. Под руководством И.М. Зальцмана заводчане добились серьезных успехов, и в 1939 году завод и его директор были награждены орденами Ленина. В 1940 году, к началу войны с Финляндией,

на Кировском заводе был создан принципиально новый тип тяжелого танка «КВ» («Клим Ворошилов»). Первые образцы этих машин с успехом прошли суровый экзамен при прорыве войсками Красной Армии линии Маннергейма. В боевых испытаниях танков принимал участие Зальцман. И в дальнейшем он сам садился в новый танк и уверенно трогал его с места.

За заслуги в войне с белофиннами, за обеспечение фронта танками и пушками завод был награжден орденом Красного Знамени, а И.М. Зальцман – орденом Трудового Красного Знамени.

В 1941 году Кировский завод находился практически на линии фронта, всего в четырех километрах от врага. Все цеха заминированы, чтобы оборудование не досталось фашистам. Уполномоченный Государственного комитета обороны в блокадном Ленинграде Д.В. Павлов писал в своих мемуарах: «Были вырыты траншеи, поставлены надолбы, расчищены секторы обстрела для орудий и пулемётов. В цехах рвались снаряды, завод бомбили, стоял страшный грохот, земля горела под ногами, но никто не покидал своего рабочего места» (Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. – Л., 1985. – С. 33). Ни днем ни ночью Зальцман не уходил с предприятия. Его директорский кабинет был подлинным командным пунктом: оттуда осуществлялось руководство сложнейшими боевыми операциями. Зачастую из этого кабинета с оружием в руках кировцы шли защищать подступы к своему заводу.

Д.В. Павлов вспоминал: «Директор Кировского завода И.М. Зальцман отличался высокой работоспособностью, обширными техническими знаниями, к тому же он умел просто и откровенно вести разговор с рабочими, многих из них знал лично. Его зоркий глаз замечал новаторов производства, смелых, энергичных, не боявшихся риска инженеров» (Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. – Л., 1985. – С. 34).

19 сентября 1941 года был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении большой группы рабочих и инженерно-технических работников завода орденами и медалями. Директору И.М. Зальцману и главному конструктору Ж.Я. Котину было присвоено звание

Героя Социалистического Труда за их изобретательность, смелую инициативу и хорошо поставленную организацию работ.

Тогда же началась эвакуация этого промышленного гиганта в Челябинск, где именно Зальцману по поручению Сталина предстояло создать знаменитый Танкоград на базе тракторного (этот завод, построенный в 1930-х годах руками переселенцев и заключенных, имел уникальный даже по нынешним временам сборочный цех длиной в километр) с участием харьковского дизельного и московского станкостроительного заводов.

Теперь уже трудно представить себе, что до 22 июня 1941 года уральские заводы СССР не выпустили ни одного танка, что до нападения гитлеровской армии на страну Советов ни инженеры, ни рядовые работники этих предприятий просто не знали, как подступиться к производству столь необычного вида продукции.

Сталин любил людей ростом ниже себя. Его не смущало, что Зальцман - еврей. Ключ к победе - танк. И он уже есть - Т-34. Их нужно много, очень много, чтобы создать бронированный кулак, способный сокрушить врага. Нужен человек, который сможет организовать производство этих машин. Он или не он? Справится - не справится? Примерно такой была краткая беседа Сталина с молодым директором.

- Скажите, товарищ Зальцман, сколько вам лет? - спросил Сталин, хотя накануне просматривал личное дело Зальцмана Исаака Моисеевича.

- Тридцать шесть, товарищ Сталин! - голос звонкий, твёрдый.

- Хороший возраст. Как вы думаете, товарищ Зальцман, вы справитесь с заданием Родины и партии?

- Если прикажут товарищ Сталин, родина и партия - да, справлюсь.

- Вы направляетесь на Урал, задача первостепенной важности - эвакуировать Харьковский и часть оборудования Ленинградского машиностроительного завода в Нижний Тагил. Любая задержка будет расцениваться как саботаж. О ходе эвакуации будете докладывать лично мне.

11 октября 1941 года в Челябинск прилетели шестнадцать человек. Группу возглавлял Зальцман. Он стал новым директором ЧТЗ и одновременно - заместителем наркома танковой промышленности СССР. Обычной его одеждой была танкистская куртка и бесформенная шапка-ушанка. В таком виде носился он по железнодорожным станциям и аэродромам Урала, где, ругаясь матом, а то и размахивая пистолетом (до сих пор очевидцы рассказывают, что он мог наставить на мастера заряженный пистолет со словами: «Если не обеспечишь погрузку вагонов, то...»), разворачивал эвакуированное в Сибирь оборудование военных предприятий. Через месяц Зальцман разрезал алюминиевую ленту, и с территории завода вышел первый челябинский танк.

История не знает таких примеров, чтобы в течение одного месяца весь завод перестроили на производство новых машин. Считается, что технически это - невозможно. В самые трудные дни битвы под Москвой именно Челябинск обеспечивал фронт так необходимыми танками.

В 1942 году Зальцман был назначен на должность наркома танковой промышленности (Наркомат танковой промышленности в годы войны располагался в Челябинске). На ЧТЗ, как и по всей стране, остро стояла проблема кадров. Тысячи рабочих ушли воевать, и обеспеченность рабочей силой на заводе в первые месяцы войны составила всего 46 %. Основные кадры танкостроителей — более восьми тысяч человек — прибыли из Ленинграда, три тысячи — из Харькова, более двух тысяч — из Сталинграда, тысяча — из Москвы. Челябинск и область направили на Танкоград из других отраслей народного хозяйства десять тысяч рабочих (всего на заводе работало 75 тысяч).

Летом 1942 года, когда фашисты рвались к Волге и Кавказу, челябинцы получили задание: не прекращая выпуска тяжелых танков, освоить массовое производство танков Т-34. Считалось технически невозможным в течение одного месяца в условиях войны перестроить завод на выпуск новой машины. Но танкостроители решили: Родине это нужно, и они должны сделать. «Задача, которая поставлена сейчас, не имеет себе равных, — сказал в своем выступлении перед заводчанами

Зальцман. – История не знает таких примеров, чтобы в течение одного месяца весь завод перестроили на новую машину. Считается, что это технически невозможно. В ЦК партии мне так и сказали: “Да, технически невозможно. Но Родине это нужно, и кировцы должны это сделать...” Через 34 дня с конвейера сошли первые «Т-34».

«Станок — оружие, участок — поле боя», — под таким девизом трудились фронтовые бригады. В конце 1942 г. на Танкограде было около 300 фронтовых бригад, в 1943 г. их насчитывалось 700, а к концу войны — 1800. В 1943 г. завод начал серийный выпуск нового тяжелого танка ИС, освоив его производство всего за 51 день. За годы войны Танкоград дал фронту 18 тыс. танков и САУ; разработал шесть видов танковых двигателей (их было выпущено 48 500).

Герой Социалистического Труда, генерал-майор инженерно-танковой службы, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР второго (1946) созыва. Среди наград – три ордена Ленина, ордена Суворова (I степени), Кутузова (II степени), два ордена Трудового Красного Знамени.

Но не все могли и могут спокойно воспринимать славу Зальцмана. К примеру, один из современных военных историков, чьё детство пришлось на военную пору на Урале, о Зальцмане отозвался крайне жёстко: «Раввины называют его сегодня «королём танков», хотя к созданию танков он не имел никакого отношения. Он был директором. Но не конструктором и танки впервые увидел, попав на Путиловский... Я помню, как сидели вдоль дороги, ведущей к проходной ЧТЗ, замерзшие насмерть, узбеки. Зима в 1942 году в Челябинске была лютой, отменялись занятия в школах – 45 градусов с ветерком. Этим несчастных узбеков привезли из Ферганы, на ЧТЗ как рабсилу, по заявке Зальцмана. Но их на завод Зальцман даже не пустил. Все замерзли до единого. Были они в тубетейках и в разноцветных халатах... Отец говорил, что среди множества заводов Челябинска только на ЧТЗ еврея Зальцмана рабочие поголовно пухнут от голода, что даже в лагерях для заключённых, которых вокруг Челябинска тьма, нет ничего подобного. Мне доводилось читать архивные документы о том, в каких

условиях работали на немецких заводах угнанные из оккупированных областей Советского Союза. К унтерменшам на заводах и шахтах Германии относились лучше, чем к гоям-животным на ЧТЗ еврея Зальцмана».

Прав или нет генерал–историк В. Филатов (цитата из его статьи), вряд ли кто теперь рассудит – война оставила нам немало подобных кровоточащих до сих пор вопросов.

Война закончилась, началась новая пора в истории страны и в биографии Зальцмана. В 1948 году его завод завершил сложный путь перестройки на мирные рельсы. Отмечая это в своем выступлении на объединенной, заводской и районной, отчётно-выборной партийной конференции, директор И.Зальцман был вынужден признать, что предприятие не справилось с подготовкой мощностей для увеличенного плана, задолжало свыше трёх тысяч тракторов. Надо сказать, что завод получил на 1948 год задание - довести выпуск тракторов до 65-75 штук в сутки. Между тем по проекту мощность завода к концу пятилетки (к 1951 году!) должна была составлять лишь 50 машин в сутки. Понятно, какая сложная задача ставилась. По масштабу она сродни той, что решалась в военное время. Только теперь были нужны не танки, а трактора.

Поскольку партийное задание не учитывало реальные возможности производства, нужно было на полную мощность использовать «человеческий фактор». Эту задачу директор попытался решить методами, применявшимися в войну. Но заводчане, прежде всего руководители среднего звена, принимавшие тогда жесткий зальцмановский стиль и оправдывавшие его неизбежные издержки суровостью военного времени, в новых, мирных условиях не склонны были мириться с перегибами.

Известная советская писательница Мариэтта Шагинян так рисует И. Зальцмана, который ее «сразу и совершенно очаровал»: «У этого человека все держится на нервах, он страшно женствен, мне кажется, что выпавшую на его долю тяжелую историческую задачу он решает огромным напряжением нервной системы, а вовсе не органически: Зальцман - бархатный орешек с металлом внутри».

Ветеран-тракторостроитель рассказывал, как, будучи 17-летним пацаном, он написал Зальцману письмо, что, эвакуировавшись из Сталинграда, живёт с братом в трущобах. Через две недели ему прямо в цехе вручили ордер на квартиру. Однажды Зальцман увидел парня, у которого ботинки были перевязаны проволокой, чтобы не отвалились подошвы. На другой день у парня была новая обувь. На заводе в войну было организовано двухразовое бесплатное питание, передовые коллективы и рабочие поощрялись товарами первой необходимости, продуктами. Так, лучшая смена сталелитейщиков ежедневно награждалась 100 пачками табака.

Всё это было. Как была и скорая расправа с теми, за кем директор видел вину. Его горячность проявлялась по-разному. Порой весьма оригинально. Бывало, соберёт директор начальников цехов, производственных служб. Те сидят, ждут. Директор встает со стула, отходит от стола, молча смотрит на всех, а потом вдруг: «Вон из кабинета!»

Старый большевик Иван Белостоцкий, эвакуированный в Челябинск с Кировским заводом, вспоминал, как в 1943 году на одном из таких заседаний присутствовал второй секретарь обкома партии Баранов. Зальцман вышел из-за стола, оглядел собравшихся и говорит: «Эх, с каким наслаждением расстрелял бы из вас человек десять!» Потом поднялся Баранов. Сейчас, думает Белостоцкий, представитель партийной организации осадит директора. И что же? «Исаак Моисеевич, зачем волнуетесь, вы укажите - кого?» И такое было. Зальцман мог снять с должности и назначить бригадиром грузчиков начальника УКСа за то, что тот возражал против переброски 100 рабочих на уборку стружки. Мог щедрой рукой платить футболистам заводской команды за каждый забитый гол. И в то же время проигнорировать просьбу администрации цеха поощрить при уходе на пенсию отработавшего 47 лет на Кировском заводе рабочего.

6 сентября 1949 года Зальцман был уволен с формулировкой «не справился с работой» и за «недостойное поведение, выражающееся в

оскорбительном, унижающем достоинство советских людей обращении с подчиненными» исключён из партии.

Много лет спустя, в 1988 году на страницах челябинской заводской многотиражки Е. Мамонтов, рассказывая о Зальцмане, писал: «Характер у него был вспыльчивым, но ругался он по делу. И если ругань не относилась лично к тебе, можно было заслушаться, как классически он это делал».

Говорят, что о недостатках директора рассказывали Сталину. И он якобы ответил: «Вы забываете еще один недостаток Зальцмана: он умеет делать танки!»

Видимо, сыграли свою роль симпатии вождя, не зря же Зальцмана считали сталинским любимцем. Сталин тогда спросил: «А кем он начинал?» Узнав, что мастером смены, распорядился: «Ну и пошлите его куда-нибудь мастером на завод». В прессе в те дни публиковались статьи, фельетоны, карикатуры на деятелей науки, культуры и искусства еврейской национальности, взятые из пропагандистского арсенала Геббельса. Началось массовое увольнение евреев с руководящих постов.

Из партии бывшего наркома, разумеется, исключили. Однако о лишении генеральского звания, депутатства, наград и почётных званий Сталин ничего не сказал, а излишнюю самостоятельность в таких делах даже НКВД и КПК не проявляли. Вот и получилась ситуация предельно абсурдная...

Зальцман любил и умел работать. Это спасло его. Рафаилу Шнейвайсу он писал в марте 1986 года: «И я поехал работать мастером на завод. Главное – сохранил жизнь. Ведь некоторые ленинградцы из числа руководителей города были реабилитированы лишь посмертно...»

Вообразите себе испуг и недоумение кадровиков машиностроительного завода в Муроме, которым пришлось оформлять рядовым инженером, правда, исключенного из партии, но настоящего по всем документам, действующего генерал-майора, лауреата Сталинской премии, депутата Верховного Совета СССР, Героя Социалистического Труда, кавалера трех орденов Ленина, ордена Суворова I степени, ордена Кутузова II степени... Новый работник сразу завоевал авторитет. Кое-как

наладился быт. С ним была его верная спутница жена, которая была не только верной подругой, а и мамой, сестрой, няней. Чтобы хоть как-то прожить на небольшую зарплату, завели небольшой огород. Рассказывают, что в Муроме опальный Зальцман приходил в иной выходной день в парадной форме в ресторан и заказывал три по сто граммов: за Героя Зальцмана, за генерала Зальцмана и за наркома Зальцмана. Директор завода Левчук всеми силами старался избавиться от инженера с характером и загадочным статусом. Пришлось Зальцману в 1952 году уехать в Орел, на завод, где делали тракторные запчасти. На «Трансмаше» он стал мастером, начальником участка... Дали комнату в коммунальной квартире в доме по Комсомольскому переулку.

Вспоминает Ольга Михайловна Михайлова, которая с 25 лет работала на «Трансмаше» технологом:

- В октябре 1954 года ему было поручено освоить выпуск поршневых колец для тракторных двигателей по американской технологии (из индивидуальных отливок). В цеху не было места для нового участка, тогда прямо на складе готовой продукции установили несколько станков. Но Зальцману не хватало специалистов. Когда я приехала из Тульской области и пришла к директору завода Анатолию Васильевичу Крынкину с просьбой о работе, тот вначале сказал, что штат инженерно-технических сотрудников на предприятии как раз в это время сокращают, но есть возможность стать технологом у Зальцмана. Так в кабинете директора мы и познакомились. Зальцман должен был решить мою судьбу. Мы вышли на заводской двор, он задавал мне отрывистые вопросы: чисто технические, производственные, а потом сказал: «Пошли к секретарю». В приёмной так же коротко сообщил: «Передайте директору, что она мне подходит».

За неполные три месяца группе Зальцмана предстояло освоить выпуск новой продукции. Он был на производстве почти круглосуточно, так что жене приходилось приносить ему и его коллегам в ночную смену бутерброды.

Работал не ради славы (орловские газеты и радио хранили молчание вокруг фигуры Зальцмана), не ради реабилитации – никто на заводе не

слышал о его каких-либо действиях по этому поводу. Он просто жил и работал здесь, с этими людьми. А их захватывали его невероятная энергия, самоотверженность, доскональное знание производства.

Да, где-то в частных разговорах окружающих не раз шла речь о «жутком обрушении» этого человека: будто бы у него прежде был личный самолёт, было какое-то незарегистрированное оружие, а скорее всего, просто кому-то из высокого начальства дорогу перешёл... Но зыбкие слухи как тени меркли под лучами добра и мудрости, которые словно солнце щедро дарил этот человек. В то же время Зальцман был беспредельно строг и откровенен – мог в присутствии многих уличить кого-либо в неблагоприятном проступке. Или просто пожуришь прилюдно: «Не люблю, когда умные люди дураками прикидываются». Он не боялся никого на заводе, и, что самое удивительное, люди не обижались на него за критику, напротив, тянулись к нему.

Вспоминает Ольга Михайловна Михайлова:

- Когда к новому году мы справились с заданием, Исаак Моисеевич пригласил отметить это событие у него дома. Пришли два технолога (в том числе и я), муж и жена - пара молодых специалистов из Тбилиси, был и главный технолог завода Стефанов. Грузины принесли с собой курицу, приготовленную по рецептам национальной кухни, в соусе... Зальцман, тончайший дипломат, свой первый тост посвятил нашему успеху, которого добились в очень короткий срок, но ни слова не сказал о том, что в годы войны работал в ещё более трудных условиях. Он поднял тост за то, что мы разные люди, из разных городов, но сделали одно общее дело. А ещё предложил выпить за родителей присутствующих. Такое предложение удивило всех – за родителей тогда никто не провозглашал тосты. А Зальцман к тому же назвал наших родителей поимённо – он знал, кто именно у нас «за спиной». И это был не какой-то подхалимаж, это была его натура.

О.М. Михайлова не помнит этого эпизода, но сохранилось, скажем так, предание, что 7 ноября, в очередную годовщину революции, Зальцман не изменил своей привычке и появился на демонстрации в заводской

колонне в генеральской шинели. Этого ему никто запретить не мог. Народ ахнул! А вечером на торжественном собрании Зальцман блистал мундиром и звездой Героя в середине зала, смущая начальствующий президиум. И был единодушно признан всеми дамами заводоуправления лучшим кавалером. Он очень любил вальс и танцевал его блестяще!

Директор будто бы тогда разбушевался: «Зачем мне на заводе нарком, да еще беспартийный?». И только благодаря рабочим, заводскому коллективу, который вступился за него и отстоял, он продолжал работать начальником участка.

И вот - год 1955-й. Снова вызов в Комитет партийного контроля в Москву, но встреча уже совсем с другими людьми. Ему принесли извинения, восстановили в партии. И хотя реабилитация была полной, однако дефицит гласности в ту пору привел к тому, что еще многие годы за Зальцманом тянулся шлейф разговоров и сплетен о мнимой его вине. Тогда, в 1955 году, он стремился вернуться в Ленинград, но его уговорили задержаться в Орле, чтобы пустить новый цех. Он выполнил и это задание. У рабочих «Трансмаша» чувство радости за восстановленную справедливость было тогда не меньше огромного сожаления, что вскоре предстоит навсегда попрощаться с этим удивительным человеком, ставшим по сути отцом и братом...

Летом 1957 года с направлением ЦК Зальцман приехал в Смольный к первому секретарю обкома КПСС Ф.Р. Козлову. Приехал радостный - встреча с городом, бесконечно родным, восстановление справедливости - все сулило добрую перемену в судьбе. В Ленинграде его дети, сын и дочь, учились в институте; мать и сестра жили в подвальном помещении...

Но надежда на полную реабилитацию была тщетной. К Козлову Зальцман не попал. Секретарша, доложив о его приходе, вернулась и сказала: «Фрол Романович не сможет вас принять. Он считает, что вам не надо переезжать в Ленинград - по городу пойдут ненужные разговоры. Возвращайтесь в Орёл».

- Но меня направил Центральный Комитет.
- Товарищ Козлов, где надо, даст объяснения.

Он купил обратный билет. До поезда оставалось время, и Зальцман отправился побродить по любимому городу. Скрипнули тормоза, и возле него остановилась машина.

- Откуда ты взялся? - бросился к нему председатель Ленинградского горисполкома Н.И. Смирнов.

Зальцман рассказал. Ленинградский мэр ответил коротко:

- Билет сдай. Всё беру на себя. Будешь работать у нас, в системе исполкома.

К тому же Смирнов пообещал помочь с квартирой. Так, благодаря случаю, всё же появилась вторая ленинградская глава в биографии Зальцмана. Сначала он организовывал заготовку древесины (главный инженер треста Ленгорлес), затем проектировал, строил очень нужный городу механический завод (здесь делали башенные краны и радиаторы) и два десятка лет работал здесь ведущим конструктором, на пенсию ушёл только в 1986-м. В новом коллективе оказалось немало специалистов с Кировского, знавших и уважавших Зальцмана. На родном Кировском его помнили. Каждый праздник, любое знаменательное событие он отмечал здесь. А вот Челябинск... После 1949 года он ни разу не приезжал сюда, хотя очень хотел этого, особенно перед смертью.

Умер Исаак Моисеевич Зальцман 17 июля 1988 года. Когда его не стало, прощались с танковым наркомом во Дворце культуры Кировского завода. Он лежал, открытый людям, как раз напротив того места, откуда в сорок первом, с первых дней войны, шли грозные советские танки. И люди, пришедшие проводить И.М.Зальцмана в последний путь, знали и помнили об этом... Ныне его генеральский мундир в экспозиции музея Кировского завода.

В начале 2007 года судьбой И.М.Зальцмана заинтересовалось руководство ОАО «Орловская промышленная компания» (бывший «Трансмаш» - ныне «Автосельмаш» вошёл в структуру промышленной компании, у ОПК сложились хорошие отношения с партнерами из Челябинска). Обратились к ветеранам завода: возможно, кто-то помнит Зальцмана? Как они отнесутся к предложению установить здесь

мемориальную доску этому легендарному человеку? Первым откликнулся Иван Афанасьевич Панин – бывший директор завода «Трансмаш», который в 1950-е годы был здесь секретарем парткома. Он хорошо помнил Зальцмана – как замечательного организатора производства, именно на орловском «Трансмаше» Зальцман был восстановлен в компартии. А возглавляемый бывшим наркомом участок стал первым на заводе коллективом коммунистического труда.

Увы, пока мемориальная доска такого рода в Орле не появилась. Видимо, это дело будущего. Рано или поздно, но гранитные строки о Короле танков обретут свою прописку в старинном городе, городе воинской славы России.

Алексей КОНДРАТЕНКО